

мью... Та (советская – Э.Р.) идеология была наполовину идеология. Тогда было много лжи и фарисейства, но были и другие ценности, и золотой телец не был центром всего. Когда я сравниваю эту идеологию с той... мне все-таки радостно, а не горько. Потому что мир стал честнее, естественнее, пусть и циничнее» [1]. С автором можно согласиться в том, что современная идеология – это идеология успешности. Его величество доллар, золотой телец стал мерилем этой успешности. И разве такая «идеология» преодолевает яко бы половинчатость той, советской идеологии? Можно ли вообще потребительскую психологию, насаждаемую массовой культурой, считать образцом целостной, а не половинчатой идеологии? Массовая культура играет роль важнейшего средства социализации в современном обществе. Семья, школа, церковь постепенно сдают свои позиции по сравнению с ее охватом и воздействием на современное молодое поколение. Порой направленность этого воздействия оказывается в существенном противоречии с теми целями и задачами, которые процесс социализации по своему назначению призван решать. Она часто выступает в роли такого фактора, который не гуманизирует индивида, а дегуманизирует его, «расчеловечивает» человека. Безусловно, современное общество становится циничнее, с этим можно согласиться. Но ведь понятия «цинизм» и «пошлость» – они где-то рядом, близко друг к другу. Легко быть снобом, поскольку не надо ни за что отвечать. Сколько бы ни говорили СМИ о свободе творчества в новой стране, а счет-то все равно в пользу культуры 60-80-х годов. Тогда она была нацелена на качественный гуманистический, а не коммерческий результат. Сегодня всем и вся заправляет на большинстве российских телеканалов и в шоу бизнесе коммерция. К примеру, в советских фильмах люди любят не праведных партийных работников и начальников великих строек, а демонстрацию тех человеческих характеров и отношений между людьми, которые рассматривались в качестве образцов жизни. Воспевались любовь, товарищество, взаимопомощь, честный труд, патриотизм, трудовая семья, т.е. речь, шла о понятных и известных христианских ценностях, которые советская власть умело, использовала в практике идеологического воспитания. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений. Пока, кроме погони за избыточным потреблением, апологии успеха «здесь и сейчас», другого идеологического продукта стране-соседке не предложено. Правда, следует отметить, что в последнее время В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. При этом особый акцент сделан на формирование патриотизма, гражданственности. Полагаем, что это создаст предпосылки и для формирования союзного патриотизма.

Заключение. Эффективность и действенность идеологии будет определяться, прежде всего, тем, если она будет сформирована не под отдельные личности, а под народы, под общества двух братских стран, стратегические цели их развития.

Список литературы

1. Вяземский Ю. «Читайте и выигрывайте»// Союз. Беларусь – Россия. – 2014. – 23 января. – С.7.

ФУНКЦИИ СИМВОЛОВ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

*М.А. Слемнев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Символы как особые знаки, первичное содержание которых (значащее, символизирующее) используются в качестве формы, плана выражения другого, вторичного, как правило, более абстрактного и общего содержания (значимое, символизируемое) широко применяются в различных видах человеческой деятельности. Особое внимание в многочисленных публикациях, посвященных проблематике символа, обращается на его природу, место и роль в культуре и искусстве. Что касается темы «символ в науке», то она разработана явно недостаточно. В частности четко не определены основные функции символа в научном познании. В связи с этим, цель исследования – экспликация основных

функций символа в научном познании. Объект исследования – символы, предмет исследования – символы науки.

Материал и методы. Материалом исследования послужили работы А.Ф. Лосева, В.А. Масловой, С.С. Аверинцовой и др. В исследовании использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования и идеализации.

Результаты и их обсуждение. Символы в научном познании выполняют три главных функции: прагматическую, наглядно-выразительную и эвристическую. Для обоснования данного вывода все символы, которые используются в науке, полезно разделить на две группы.

К первой относятся те из них, которые представляют собой условные, формальные знаки. Их главная функция состоит в репрезентации, замещении обозначенных с их помощью материальных или идеальных объектов. Такой символ-индекс «привязывается» к своему референту механически. Это своего рода «техническая упаковка» информации. Сходство значащего и значимого вовсе не обязательно. Так, операция сложения в математике долгое время обозначалась только знаком «плюс» (+). Картинно он связан с изображением земли в виде горизонтали и растущими вертикально деревьями, растениями и перемещающимися по ней животными (прибавление нового). А знак «минус» (–) есть горизонталь без вертикали, земля обедневшая, неплодотворенная, лишенная жизни. В дальнейшем наряду с традиционным крестиком как семиотическим эквивалентом процедуры сложения стали употребляться знаки, лишенные былой образности (Σ , S). Появились заменители минусовой «горизонтالي» в теории множеств и логике. Уже школьникам известно о наличии разных вариантов обозначений умножения ($\cdot$, $\times$) и деления ($:$, $\div$, $\div$). Главное назначение символа как условного знака – создание логически корректного, лишенного многозначности, лаконичного, удобного для обращения языка. Если эти требования выполнены, то любая формальная символика (буквенная, графическая, цифровая и др.) может считаться «прагматически легитимной».

Выполнять наглядно-выразительные и эвристические функции условные знаки науки не могут. Это в состоянии сделать только символы второй группы.

В нее входят наглядно-изобразительные, чувственно-образные, «связанные» символы. Их денотативная часть не является больше семантически безразличной к смысловому содержанию. Такие символы-образы находятся одновременно как бы в двух пространствах: восприятия и мышления. Наполненные живой эмпирической «плотью», они призваны «высветить» с той или иной степенью приближения существенные связи и отношения познаваемого объекта, изобразить абстрактное (общее), используя наглядную лексику конкретного (единичного). Возможно это потому, что один «конец» символа находится в мире вещей, а другой погружен в идеальные структуры сознания.

Получаемое в данном случае символическое представление оказывается семантически размытым, зыбким, плавающим. Ведь образный символ никогда не говорит прямо и однозначно. Его язык – язык намеков и недомолвок. Информировать по-другому о скрытой, чувственно не воспринимаемой сущности, абстрактном, он просто не в состоянии. Актуально зафиксированным в нем является только символизирующее. А вот символизируемое задано в виде «смысловой перспективы», потенциального ряда последовательных приближений к значимому, не как предложение, а предположение, полагание.

Формализованной, устоявшейся науке наглядно-образный символ чужд. Как отмечал в связи с этим глубокий знаток символика А.Ф.Лосев, зрелое «научное понятие принципиально лишено всякой образности. И если элементы такой образности и трактуются как характерные для какого-нибудь понятия, то значит, это понятие еще не вполне общее, то есть не вполне совершенное» [1, 177]. Однако, для достижения подобной концептуальной строгости любая область научного знания должна проделать длительный путь своего развития. И здесь, особенно на стадии выдвижения новых идей, без образных представлений обойтись нельзя. Создаваемые на базе наличного знания наглядные конструкции новых познаваемых сущностей следует расценивать как «черновой набросок», эскизную схему концептуальных оснований зарождающихся теоретических воззрений. Это как бы временная «капитуляция» науки, представляющая собой своеобразный компромисс между глухим молчанием факта и открытостью понятия.

Образная символизация как наглядно-выразительное и эвристическое средство научного познания бывает двух видов: внутренняя и внешняя. Внутреннюю символизацию на примере собственного творчества хорошо описал Н. Винер. Он обращает внимание на то, что на этапе «инкубационного» созревания идея не имеет четких концептуальных контуров. В голове творцов нового в науке возникает какой-то смутный образ познаваемой сущности в виде индивидуального состояния рефлексирующего сознания. Вот почему появляется потребность «оперировать временными, только им понятными символами, позволяющими выразить возникшие идеи на некоем условном языке, который нужен лишь на определенный отрезок времени» [2, 81].

С точки зрения процессов внутренней символизации научное творчество принципиально не отличается от художественного. Например, рождению яркого, мыслемкомго слова в поэзии зачастую предшествует «гул темы» (А. Блок), «звукового пятна» (В. Шкловский), «ритмическое мычание» (В. Маяковский). А.Ахматова пишет, что в состоянии «поэтического инсайта» (стихотворение «Творчество») ей явно слышатся «бой часов», «звон», «раскаты стихающего грома», какие-то «стоны», «жалобы», «шепот», которые затем превращаются в «фонетическую матрицу» будущих стихотворных строк. А вот у В.Набокова роли внутреннего символического образа поэтических структур выступают различные цветные картинки и светотени.

Если внутренняя символизация сопутствует зарождению новых идей в голове конкретного творца и в силу этого имеет скрытый, имплицитный характер, то символизация внешняя завершается созданием эксплицитных, доступных для понимания символически-образных представлений. В качестве примера можно привести символические образы атомного ядра в виде жидкой капли, элементарных частиц – процесса зашнуровки (т.н. «бутстрап»), колебания струны или мембраны. Вселенной – расширяющегося или пульсирующего тела, супертяжелой звезды – черной дыры, гена – двойной спирали и др. Подобные символы не только помогают выразить не наглядное через наглядное, но и приблизиться к сути познаваемых явлений. Выполнив свою задачу, наглядно-изобразительный символ «умирает». На его месте вырастает строгое научное понятие, у которого, в противоположность символу, нет семантической тайны, его значение предельно обнажено и доступно для интеллектуального созерцания.

Заключение. Символы широко используются не только в художественном, но научном творчестве. При абстрактно-понятийном освоении познаваемых объектов символы выполняют различные функции, важнейшими среди которых являются прагматическая, наглядно-выразительная и эвристическая. Это обстоятельство необходимо учитывать для обеспечения адекватной интерпретации научных текстов.

Список литературы

1. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф.Лосев. – М.: Искусство, 1976.
2. Винер, Н.Я – математик / Н. Винер. – М.: Наука, 1967.

МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ БЕЛОРУССКОЙ ССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

*Р.В. Тимофеев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

С увеличением в послевоенный период пропускной способности автодорог расширялись объёмы перевозок, как грузов, так и пассажиров, высокие скорости и напряжённый график прохождения автомобилей увеличивали возможность появления аварийных ситуаций. Поэтому вопросы с безопасностью эксплуатации транспортных средств часто оказывались в зоне внимания органов власти Белорусской ССР.

Целью работы является анализ деятельности органов власти БССР по обеспечению безопасности движения.